

Мимоходомъ.

Смѣхъ золоторотца...

Под такимъ заголовкомъ въ хроникѣ вчерашняго номера нашей газеты была помѣщена коротенькая, но очень печальная замѣтка, напоминающая рассказъ М. Горькаго: „Дружка“.

Толку, пожалуй, еще болѣе печальна.

„Упавшій“ въ рассказѣ М. Горькаго умеръ въ лѣсу, на работѣ, какова бы она ни была (въ сожалѣнію, это было воровство); около него былъ его другъ „Пляши нога“, а кругомъ природа, среди которой онъ жилъ съ дѣтства и которая напоминала ему, хотя тою нерадостные, но лучшіе дни.

Золоторотецъ, о которомъ говорится въ замѣткѣ, послѣдніе дни свои проводилъ въ дешевой столовой, постоянно опасаясь, что его выгонятъ на морозъ, а ночи—въ ватеръ-кловетѣ ночлежки, на грязномъ, загаженномъ полу.

Онъ просился въ больницу, таскался туда не разъ, благо ноги еще кое-какъ таскали его, прибѣгалъ и въ помощь полиціи, но все напрасно.

Повидимому, это объясняется характеромъ его болѣзни, насколько можно судить о ней по замѣткѣ.

Въ замѣткѣ говорится, что покойный, лежа въ ватеръ-кловетѣ у теплопроводной трубы „постоянно кашлялъ“.

Очевидно, у него была чахотка въ послѣдней степени, ужасная болѣзнь, убивающая человѣка понемногу, шагъ за шагомъ, но неотвратимо, и сохраняющая у него до послѣдней минуты полное сознаніе.

Сознаніе человѣка, приговореннаго къ смертной казни.

Такіе больные считаются „хрониками“ и не принимаются въ больницы, какъ бы ни было ужасно ихъ положеніе. Лѣчатъ въ больницахъ только острые болѣзни, а чахотка признается болѣзью неизлѣчимой, въ которой больница не можетъ помочь, а потому человѣкъ и оставляется иногда умирать... въ ватеръ-кловетѣ.

Конечно, въ больницѣ мало мѣста, она переполнена. Но, призывая всю резонность этого возраженія, нельзя все-таки примириться съ такимъ отношеніемъ къ больному человѣку.

Во-первыхъ, чахотка, по новымъ даннымъ, уже не признается рѣшительно неизлѣчимой, а лишь трудно излѣчимой. Проф. Остроумовъ въ своихъ лекціяхъ говоритъ, что врачъ даже въ послѣднихъ стадіяхъ болѣзни не долженъ смотрѣть на чахотку, какъ на болѣзнь неизлѣчимую, потому что и въ этихъ стадіяхъ излѣченія бывали.

Конечно, для излѣченія чахотки (въ сожалѣнію очень рѣдкаго) необходимы не столько лѣкарства, сколько хорошія условія жизни, хорошее питаніе и покой. И если этихъ условій нѣтъ въ больницѣ, то все-таки эта больница для несчастнаго золоторотца была бы раемъ, по сравненію съ... ватеръ-кловетомъ.

И если бы она даже не помогала ему, не вылѣчила бы его, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, то позволила бы хоть умереть спокойно, не съ тѣмъ тупымъ отчаяніемъ въ сердцѣ, съ какимъ онъ умеръ, конечно.

Человѣкъ горѣлъ въ постоянномъ лихорадочномъ жару, надрывался отъ кашля ноги его подкашивались отъ слабости и едва держали изможденное тѣло, а „люди—братья“ равнодушно проходили себѣ мимо, глядя съ отвращеніемъ на его грязныя лохмотья и испитое лицо.

Одинъ прохожій отвер-

нулся,

Другой копейку бросилъ

мнѣ...

Частный случай съ золоторотцемъ наводитъ на мысль о настоятельности учрежденія особыхъ больницъ для чахоточныхъ, оставляемыхъ въ настоящее время безъ всякаго призора и лѣченія.

Если не всѣмъ бѣднякамъ приходится ютиться въ ватеръ-кловетѣ, то вообще положеніе бѣднаго человѣка, заболѣвшаго чахоткой, ужасно, болѣе ужасно, чѣмъ положеніе тифоза, который можетъ найти мѣсто въ больницѣ.

А между тѣмъ чахотка въ настоящее время является болѣзью, едва-ли не наиболѣе распространенной.

Отговорка обычная—нѣтъ средствъ на больницы. И вотъ несчастные больные оставляются умирать въ подвалахъ и ночлежкахъ.

Нѣтъ средствъ на лѣчебницы для чахоточныхъ, но они находятся для больницъ для холерныхъ и чумныхъ и вообще на борьбу съ холерой и чумой.

Не потому ли, что холера и чума бываютъ временно, а по этому больше пугаютъ воображеніе, чѣмъ чахотка, съ которой люди, болѣе или менѣе, свыклись?

До того свыклись, что даже уже и не замѣчаютъ страданій людей, пораженныхъ чахоткой.

Перо.